

Боровцов Илья Владимирович

бакалавр направления подготовки
«Прокурорская деятельность»
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) университета прокуратуры
Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург
IlyaBorovtsov@yandex.ru

Ilya V. Borovtsov

Bachelor of the direction of training
«Prosecutor's activity»
Saint-Petersburg Law Institution (branch) of the
Academy of the Prosecutor General's Office of the
Russian Federation
Russia, Saint-Petersburg

Евсеева Дарья Юрьевна

бакалавр направления подготовки
«Прокурорская деятельность»
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) университета прокуратуры
Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург
darya.evseeva98@mail.ru

Darya Yu. Evseeva

Bachelor of the direction of training
«Prosecutor's activity»
Saint-Petersburg Law Institution (branch) of the
Academy of the Prosecutor General's Office of the
Russian Federation
Russia, Saint-Petersburg

**САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ
КАПИТАЛИЗМА**

**SELF-REGULATION IN THE CONTEXT OF THE
CURRENT STATE OF CAPITALISM**

Аннотация

Статья посвящена актуальным подходам к описанию саморегулирования, предполагающим исследование его соотношения с государством, рынком и гражданским обществом. Сделан вывод о необходимости переосмысления сущности саморегулирования как практики, имманентной методу гражданского права, с учетом выходящего за рамки предпринимательства многообразия его форм и влияния на них контекста современного капитализма.

Ключевые слова:

саморегулирование, юридическая
децентрализация, частный договор,
гражданское общество, метод гражданского
права, рынок, капитализм

Abstract

The article is devoted to current approaches to the description of self-regulation, involving the study of its relationship with the state, the market and civil society. It is concluded that it is necessary to rethink the essence of self-regulation as a practice immanent to the method of civil law, taking into account the diversity of its forms that goes beyond entrepreneurship and the influence of the context of modern capitalism on them.

Keywords:

self-regulation, legal decentralization, private contract, civil society, civil law method, market, capitalism

Разговор о саморегулировании следует начинать с мысли А.Д. Корецкого: «...в механизме правового регулирования есть элементы, не связанные напрямую с государственной волей, вследствие чего он представляет из себя цельную, в достаточной степени автономную и саморегулирующуюся систему, способную упорядочить общественные отношения с нормами права «напрямую», минуя аппарат государства» [8, с. 7]. Указанные элементы (нормативные массивы) составляют основу конструирования рынка как структуры – совокупности связей между субъектами,

опосредующей реализацию их ожиданий, интенций и мотиваций в отношении друг друга. Фундаментальность гражданского права (термин «гражданское право» здесь и далее употребляется в наиболее широком смысле, в качестве диспозитивной полярности правового дискурса), обусловленная «привилегированным» происхождением от той же потребности, что порождает рыночные отношения, заключает в себе его «слитность» с рынком, а также принципиальную возможность воплощения воли рынка к самоупорядочению, выражающейся в праве на саморегулирование.

О существовании этой воли свидетельствует логика развития капитализма, подразумевающая переход от капитализма XIX века с присущими ему урбанизирующим и индустриализирующим импульсами к «социогосударственной самокоррекции», как ее называет Юрген Хабермас в интервью Хансу-Петеру Крюгеру [17, с. 93]. Речь идет о «социал-демократическом компромиссе, возможном и нужном лишь внутри институциональных рамок позднекапиталистического общества». Сегодня, однако, триумф «государства всеобщего благосостояния» исчерпал себя – капитализм, именовавшийся «поздним», перешел в 2000-х годах в новую форму: «безнадежные долги, наконец, неизбежно стали для богатых северных стран такой же проблемой, какой всегда были для бедных южных государств; а финансовые кризисы запустили еще один раунд неолиберализации» [1, с. 49]. Неолиберализация стала реакцией на неспособность кейнсианского макрорегулирования преодолеть проблему stagflation. Актуальное состояние капитализма предполагает высвобождение гражданского права из рамок позитивистской концепции, подчиненное необходимости дальнейшего созревания капиталистических отношений в наиболее прогрессивной форме, соответствующей потребности в развитии нередко отрицаемых либеральными теориями противоречий между капитализмом и демократией и их последующем разрешении в пользу демократического правового общества.

Возвращение гражданского права человеку – таков ответ цивилистической науки на вызовы капитализма XXI века, он же – принцип, проистекающий из высказанной И.А. Покровским и Л.И. Петражицким идеи юридической децентрализации [13, с. 10], актуальной по сей день в качестве основы языка описания гражданско-правовой реальности, то есть реальности, в которой действуют свободные правосубъектные индивиды. Что делает их таковыми? Либеральные теории отвечают: развитые частнособственнические отношения и их защита со стороны

государства. Сегодня, однако, осознается отсутствие линейной связи «между формированием демократического правового государства и капиталистической модернизацией [развивающихся стран]» [17, с. 224], что наводит на мысль о недостаточности для обретения индивидом относительной частнособственнической свободы ее формального признания государством. В действительности, мерой свободы в условиях капитализма выступает степень реальной «включенности» индивида в общественные отношения [2, с. 12-15], не концентрирующаяся на понятии класса – экономико-правового статуса индивида, но учитывающая множество стратификационных категорий (раса, гендер, возраст, образованность и т.д.). Такое общество свободных индивидов может позволить себе высокий уровень децентрализованного нормотворчества, являющегося конститутивным признаком саморегулирования.

Саморегулирование, впрочем, не исчерпывается одной идеей децентрализации. Будучи результатом консенсуса, оно представляется актом свободной воли, частным договором. «Без учета свободы воли ученые с неизбежностью приходят к позитивистскому пониманию договора, т. е. к концепции нормативно определяемого содержания договора, где все условия якобы целиком вытекают из установлений правовых норм» [14, с. 22]. Позитивистскому подходу противостоит теория договора как средства саморегулирования, то есть «средства регулирования общественных отношений частных лиц самими этими частными лицами (их участниками)» [7, с. 220]. Совпадение в одном лице субъекта объективации правила поведения в какой-либо внешней форме и субъекта реализации этого правила в фактическом правовом порядке имеет ряд преимуществ над централизованным регулированием. Во-первых, гарантируется более высокая степень легитимации правовой нормы. Исходя из доктрины социологического релятивизма («каждое общество нормально постольку, поскольку оно функционирует» [15, с. 14]), допустимо утверждать, что «положительное право легитимно не потому, что оно отвечает содержательным принципам справедливости, а потому, что устанавливается посредством справедливых, то есть демократических по своей структуре процедур» [18, с. 305-306]; в то же время, некоторые парламенты, состоящие из неподконтрольных обществу депутатов (в частности, Федеральное Собрание Российской Федерации), склонны прибегать ко в высшей степени своеобразным способам принятия решений. Во-вторых, подобной односторонней процедуре, приписывающей «практику

самоопределения граждан целокупному субъекту общества» [16, с. 395], противопоставляется коммуникативная форма взаимодействия, участники которой включены в процесс согласования индивидуальных выборов и понимают нормы этого согласования, обретающего признание в обществе по мере увеличения интересубъективной составляющей. Так саморегулирование предстает результатом действия согласованной воли, «обеспечивающей гражданское общество в его становлении и развитии» [3, с. 26].

Гражданское общество не способно заявить о себе через «жизнедеятельность больших и малых социальных образований, демонстрирующих уникальные формы взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности» [3, с. 30], если оно, основываясь лишь на частной собственности, не имеет возможности определять правила этой жизнедеятельности. Подобное общество собственников, именуемое «протогражданским», еще не выходит из точки бифуркации, рискуя стать управляемым, однако, содержит потенцию «гражданственности», реализуемую постольку, поскольку граждане возвращают себе ранее делегированные государству полномочия по самоуправлению; этот интеграционный процесс одновременно становится процессом приобретения публичности – общество занимает такое положение по отношению к государству, в котором объединения граждан, их инициативы и решения более не могут игнорироваться государственной властью. Мысль о необходимости развития саморегулирования «с целью становления в РФ гражданского общества, построенного на принципах автономии и самоуправления» [6, с. 4], хотя и высказывалась учеными, все же требует привлечения особого внимания во избежание поспешного вывода об отсутствии у предпринимателей воли к объединению, проистекающего из следующего положения: «Если бы обязанность их объединения в саморегулируемую организацию не была императивно предписана законом, то такие субъекты осуществляли бы ее свободно на основе прямой конкуренции» [5, с. 11]. Отрицание интереса предпринимателей к различным формам интеграции, усложнению структуры рынка означало бы отрицание имманентного интереса субъектов частной собственности к самоуправлению и опосредованию отношений между индивидом и государством представительством гражданского общества.

В текущем состоянии западной социальной реальности (с характерными для него неопределенностью, стохастичностью и относительностью) развитию

гражданского общества, сопряженному с разочарованием действиями централизованной государственной власти, противостоит воля государства ко всеобщей регламентации. Определение саморегулирования отягощается как изменчивостью рынка и непостоянством его отношений с государством, так и разнообразием форм и многомерностью самого предмета. Существующие сегодня стратегии описания преимущественно рассматривают саморегулирование как законотворческую данность, основываясь на термине «институт», предостерегают от увлечения полисемией и утверждают поиск оригинального и неизменного смысла с опорой на «точность и строгость легальных понятий» [9, с. 15]. Всплески академического интереса к саморегулированию приходятся в России на 2007 и 2015 годы и связаны с принятием федеральных законов «О саморегулируемых организациях» [11] и «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» [12].

Подобные обстоятельства объясняются недостаточным распространением в научном сообществе идеи саморегулирования, существующего помимо государственной воли и отсылающего, прежде всего, к справедливой и открытой процедуре установления правила поведения и лишь потом – к самому правилу. Противопоставление же рыночных отношений и гражданского права есть не что иное как наследие позитивистской (и этатистской [9, с. 5]) традиции, результат длительного удержания государством роли единственного рыночного регулятора, ведущий к ряду негативных последствий, в числе которых: 1) процесс общей деинституционализации государства, исключающий его соответствие потребностям общества; 2) низведение саморегулирования до одной институциональной формы – саморегулируемой организации, и 3) ее неспособность заменить централизованные контрольно-разрешительные процедуры, способствующие формированию «очевидности» лицензирования, безальтернативности, с образом которой так непросто расстаться российскому рынку [4, с. 20-25].

Научное сообщество надлежит призвать к дискуссии о поиске нового языка описания саморегулирования, основанного на его рассмотрении через связь с гражданским обществом и идею частного договора как акта свободной воли, а также в качестве проявления гражданско-правового метода регулирования общественных отношений [10] – диспозитивности, которая, однако, может уступить место понятию юридической децентрализации, поскольку диспозитивность отсылает к норме закона,

в то время как децентрализация, напротив, освобождает от нее. Искомое определение требует, во-первых, представления о саморегулировании как практике, выходящей за пределы предпринимательства, сущность которой обнаруживает себя не только в корпоративном управлении и саморегулируемых организациях, но и во всем гражданском праве (прежде всего, в регулировании общественных отношений посредством договоров и односторонних сделок); во-вторых, учета контекста актуального состояния постиндустриального общества, исключаяющего централизованную власть над рынком, в центре которого, окруженная бесчисленными разногласиями, дискуссиями и консенсусами, располагается фигура Человека.

Список использованных источников

1. Ван ден Аккер, Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер : [пер. с англ. В.М. Липки; вступит. ст. А.В. Павлова]. М. : РИПОЛ классик. 2020. 342 с.
2. Гишинский, Я.И. Человеческое, слишком человеческое / Я.И. Гишинский. Алетеия. 2020. 150 с.
3. Гражданское общество: Истоки и современность : [Коллектив. моногр. / И.И. Кальной, Г.В. Овчинникова, И.Н. Лопушанский и др.] ; Науч. рук. И.И. Кальной. СПб. : Юрид. центр Пресс. 2000. 255 с.
4. Даутия, Т.В. Гражданско-правовые аспекты членства в саморегулируемой организации в сфере строительства : Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2019. 212 с.
5. Егорова, М.А. Обязательное саморегулирование как институт частного права // Предпринимательское право. 2014. № 4. С. 10-17.
6. Ершова, И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности (Лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение к журналу. 2014. № 3. С. 2-15.
7. Коммерческое право : учебник для академического бакалавриата / Е.А. Абросимова, А.Т. Амиров, В.А. Белов [и др.] ; под общ. ред. Б.И. Пугинского, В.А. Белова, Е.А. Абросимовой. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт. 2016. 471 с.
8. Корецкий, А.Д. Теоретико-правовые основы учения о договоре / А.Д. Корецкий ; ответственный редактор проф. П.П. Баранов. Юридический центр Пресс. 2001. 211 с.

9. Лескова, Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М. : Статут. 2013. С. 382.
10. Максимович, О.Н. Саморегулирование в сфере предпринимательской деятельности как проявление гражданско-правового метода регулирования общественных отношений : автореферат дис. канд. юрид. наук. Казань. 2007. 21 с.
11. О саморегулируемых организациях : Федеральный закон от 01 декабря 2007 г. № 315-ФЗ // Российская газета от 6 декабря 2007 г. № 273.
12. О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ // Российская газета от 20 июля 2015 г. № 157.
13. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. Издание Юридического книжного склада «ПРАВО». 1917. 328 с.
14. Пугинский, Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М. : ИКД «Зерцало-М». 2008. 213 с.
15. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм ; [пер. с англ. Т. Банкетовой, С. Карпушиной]. М. : Издательство АСТ. 2019. 528 с.
16. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб. : Наука. 2001. 417 с.
17. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас ; ответственный редактор д.ф.н. Н.В. Мотрошилова. Academia, KAMI. 1995. 252 с.
18. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. Монография / Честнов И.Л. СПб. : Издательский Дом «Алеф-Пресс». 2012. 650 с.